

А. М. Мелерович

melerovich@mail.ru

доктор филологических наук, профессор

Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

В. М. Мокиенко

tokienko40@mail.ru

доктор филологических наук,

профессор Санкт-Петербургского университета

А. Е. Якимов

aleyakim@mail.ru

кандидат филологических наук, доцент

Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ВИБРАЦИИ ПОСЛОВИЦЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (*быльем поросло*)¹

Аннотация. Доклад посвящен памяти профессора Людмилы Алексеевны Араевой, словообразовательные идеи которой доказали свою креативность и при анализе фразеологического материала. Докладчики – создатели словаря «Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв.», в котором аналитически характеризуются трансформации фразеологизмов в творчестве русских поэтов. Система лексикографического описания таких трансформаций показана на примере устойчивого словосочетания *быльем поросло*.

Ключевые слова: Л.А. Араева, пословицы и поговорки, русская фразеология, трансформация фразеологизмов в поэтическом тексте.

Получив от Эльмиры Маратовны Афанасьевой предложение выступить на московской конференции и опубликовать статью в сборнике памяти профессора Л. А. Араевой, мы вспомнили, как однажды Людмила Алексеевна помогла нам выбрать тему этой статьи. Ведь мы трое уже много лет трудились над составлением словаря «Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв.» [4]. В словаре представлен весь спектр трансформаций фразеологизмов в творчестве наших поэтов. А процессы таких трансформаций тесно связаны

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурнографическая репрезентация», реализовано в Санкт-Петербургском государственном университете).

с процессами словообразования – связаны и опосредованно, когда *Слово* рождает новую фразеологическую единицу и, наоборот, непосредственно – когда устойчивое словосочетание конденсируется, «сплющивается» в новое слово. Наблюдать такие словообразовательные и фразообразовательные процессы в поэтическом тексте – истинное филологическое наслаждение, хотя и наслаждение многотрудное, ибо напоминает знаменитое сальериевское «разъятие алгеброй гармонии».

Попытаемся проиллюстрировать это одним примером из нашего словаря – фразеологизмом *быльем поросло что* ‘давно забыто, стерлось в памяти (о том, что безвозвратно прошло)’.

Некоторые историки русской фразеологии считают, что это выражение образовано на основе слова *былье* – ‘трава, которая вырастает на заброшенных, забытых людьми местах’ [2: 9; 6: 118; 7: 21; 3: 483, 487]. Такая расшифровка внутренней формы фразеологизма, вероятно, навеяна немецкой параллелью *darüber ist längst Gras gewachsen* (букв. «над этим давно уже выросла трава») ‘что-л. давно забыто’, приводимой М.И. Михельсоном [5 II: 382]. И действительно, в некоторых языках можно найти «травяные» варианты нашего выражения – напр., укр. (хмельн.) *хмелем заросло, бур’яном поросло*, слвцк. *trávou zarástlo* и т. п.

Однако словообразовательный анализ слова *былье* на паремиологическом фоне подсказывает другую линию развития этого выражения. Фразеологизм возник скорее всего путем имплицирования более развернутых поговорок: *Мало ли что было, да быльем поросло; Было да прошло, да быльем поросло*. В них обыгрываются созвучные между собой слова: глаг. *быть* и собир. сущ. *былье* – «трава, былинка». Слово *былье* образовано от глаг. *быть* (*быти*), но не в современном его значении, а в более древнем – ‘расти, произрастать’. У поговорки *Было, да быльем поросло* есть вариант и без слова *былье*: *Было, да травой поросло*. Это подтверждает синонимичность слов *былье* и *трава* (ср. *былинка* ‘травинка’). Ст.-сл. *быль* и др.-рус. *былие* также значили «трава». Ср. бел. *быллем парасло* (*зарасло*) и пословицу *Калісьці было, да быллем зарасло*.оборот построен не только на рифме и ритмике глагола *быть* и существительного *былье*, но и двуплановости последнего. *Былье* ‘трава’ – собирательное существительное (ср. *тряпье, старье, корье*) от *быль* – ‘сорная трава, бурьян’. Это слово известно многим славянским языкам, оно сохраняет древнейшее значение глагола *быть* – ‘расти’ и буквально значит ‘растение’. Вместе с тем в русском выражении оно омонимически связано с существительным *быль, бывшее* – ‘то, что было’ (ср. посл. *Быль молодцу не укор* ‘за прошлое укорять не следует’). Глагол *поросло* в поговорке подчеркивает именно растительный образ. Еще больше он актуализируется в диалектных ее вариантах: горьк. *Было и прошло и по-*

лынью поросло (БС, 25 – ср. диал. *чернобыль* ‘попынь’)², *Было ремесло да хмелем заросло* (XVII в. – Сим., 81). Фразеологизм *быльем поросло* и поговорка *было, да быльем поросло* известны русскому литературному языку с XVII–XVIII вв. (СлРЯ XVIII, II, 180). Ср. также варианты нижегор. *Было, да былью поросло* (ППЗ, 120), *Что было, то былью поросло* [Буслаев, 1854, с. 153]. Сочетание *быльем поросло* – ‘заросло травой’ первоначально употреблялось для характеристики брошенной земли, давно не езженной дороги и т. п. [1: 75–76].

Эта словообразовательная двуплановость слова *былье* в составе фразеологизма и порождает мощную креативность поэтов, вдохновленных мемориальным образом этого слова. Оно востребовано и в своем собственном, классическом значении – ‘что-л. навсегда забыто; прошло безвозвратно’. Здесь мы последуем за В. А. Масловой и процитируем стихотворение Марины Цветаевой «Надгробие»:

За то, что некогда, юн и смел,
Не дал мне заживо сгнить меж тел
Бездушных, замертво пасть меж стен –
Не дам тебе – умереть совсем!

За то, что за руку, свеж и чист,
На волю вывел, весенний лист –
Вязанками приносил мне в дом! –
Не дам тебе – **порасти быльем!**

Некоторым поэтам уже недостаточно такого неизменного смысла фразеологизма и они усиливают его сопряжением с другими выражениями, характеризующими полную забвенность. В стихотворении С. И. Липкина «Морю» слово *былье* сопрягается со словом *прах*, градуируя тем самым семантику нашего выражения:

Все изменилось на нашей планете,
Умерли сверстники, выросли дети,
Все изменилось и *прахом пошло*,
А не пошло, так **быльем поросло!**
Все изменило мечте и надежде,
Мы, только мы все такие, как прежде,
Так же брожу у твоих берегов,
Так же моих ты не слышишь шагов.

И действительно: если вдуматься, то *порасти быльем* отнюдь не значит полное забвение, превращение в *прах*. Такое уточнение семантики находим в стихотворении В. С. Высоцкого «Ах, дороги узкие...», где одна из военных

² В целях экономии места здесь и ниже точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдет в нашем «Большом словаре русских пословиц» Мокшенко В.М., Никитиной Т.Г., Николаевой Е.К. / под общей редакцией проф. В.М. Мокшенко. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

28 | историй стала преданьем и вошла в историю – забыта, но не ушла из памяти навсегда, бесследно:

Военный эпизод – давно преданье,
В историю ушел, *порос быльем*.
Но не забыто это опозданье,
Коль скоро мы заспорили о нем.

Почему же медлили
Наши корпуса?
Почему обедали
Эти два часа?

Потому что танками,
Мокрыми от слез,
Англичанам с янками
Мы утерли нос.

Довольно часто поэтов что называется «цепляет» и ассоциативная связь глагола *было* и сущ. *былье*, запрограммированная, как мы видели в этимологии последнего. Вот несколько характерных контекстов:

А было же, а было
И звездно и бело...
Куражилась, любила...
Все былью поросло.

Г. М. Поженян. Мост

Машут в соснах лешаки кольем...
Было все.
Да поросло быльем.

А. Я. Яшин. Присказки

У некоторых поэтов этимологический тавтологизм глагола и существительного порождает вдохновенное желание уравновесить эти слова грамматически. В результате возникает новое сочетание, например, *быльем бывое поросло* – ‘что-л навсегда забыто, прошло безвозвратно’, характеризующее ситуацию, когда не хотят вспоминать что-либо прошедшее, случившееся:

Но лишь подобие мороки
Смешенье нравов принесло –
Особенно не повезло
Славянам у восточной кромки.
К чему теперь искать обломки –
Быльем бывое поросло:
Уж в прошлом сколько вех прошло
И исказилось в поволоке...

С. Ю. Телюк. Предначертание

У некоторых поэтов *бывое* трансформируется в существительное *быль*, еще более фонетически «компатибельное» с *быльем*:

Все, что было, стало былью.

Но быльем не поросло.

Память снова воскресила
тот фашистский пулемет...

А. Николаев. Журавли летят в зените...

У Марины Цветаевой подобное грамматическое уравнивание компонентов *былье* – *быль* во фразеологизме усложняется вычленением ключевого компонента и образованием на его основе авторского окказионализма с актуализацией его образной основы – *то самое былье, которым порастает быль...*

Ни к городу и ни к селу

Езжай, мой сын, в свою страну, –

В край – всем краям наоборот!

Куда назад идти – вперед

Идти, – особенно – тебе,

Руси не видывавшее

Дитя мое... Мое, Ее –

Дитя! То самое *былье*,

Которым порастает быль.

Землицу стершуюся в пыль,

Ужель ребенку в колыбель

Нести в трясущихся горстях:

Русь – этот *прах*, чти этот *прах*.

М. Цветаева. Стихи к сыну

Здесь, как видим, снова «pendant'ом» нашего фразеологизма выступает слово *прах*. Но у Марины Цветаевой оно имеет иное семантическое сопряжение, чем в стихотворении С. И. Липкина: *Русь – этот прах, чти этот прах* здесь символизирует пусть и забытую, но не навеки утраченную родную землю, – землю, заслуживающую почета, ждущую своих детей, которые хотя ее и покинули, но мечтают о возврате.

Но вот уже у некоторых поэтов «поросшая быль» вызывает желание уточнить растительный образ – как у Л. Н. Мартынова в стихотворении «Мы – футуристы невольные...», где «поросшая быль» оказывается «скошенной под корешок»:

Отгородимся от прошлого,

Стертого в порошок,

Прошлого, *былью поросшего*,

Скошенного под корешок.

Следующим этапом развертывания этого растительного образа является замена слова *былье* конкретным ботаническим обозначением. Самым частотным лексическим вариантом здесь оказывается *трава*:

Было все, да поросло травой.

Лягут косари у очага,

И тайга замрет, и дым замрет:

Все глядят седому деду в рот.
Складно врет в делах бывалый дед.

А. Я. Яшин. Присказки

Слово *травы* при этом может уточняться разными эпитетами – например, *пыльная, черная* и под.:

На железнодорожной станции венгерской
в толчее денек,
а из-за ограды тычется железный
траурный венок.
«Был здесь, – говорят мне, – госпиталь военный
в тех сороковых».
Сколько же забытых, сколько незабвенных.
мертвых и живых!
Пыльной травой поросло все это
в цвет сухих небес.
Пролетают мимо посредине лета
«форд» и «мерседес».
«Здесь была казарма при имперском иге. –

Е. Б. Рейн. Австро-Венгрия

Образ черной травы здесь символизирует народное горе, беду.

С полуночи лезут шведы,
с юга – шпыни да шиши.

А в колосьях преют зерна,
пахнет кладбищем земля.

Поросли травой черной
беспризорные поля.

Б. А. Чичибабин. Смутное время

В эту креативную орбиту входит и идиома *трын-травы*, которая в комбинации со словом *былье* становится символом безвозвратного, не достойного воспоминаний прошлого:

В младенчестве нас матери пугали,
Суля за ослушание Сибирь, грозя рукой, –
Они в сердцах бранились – и едва ли
Желали детям участи такой.

А мы пошли за так на четвертак, за ради Бога,
В обход и напролом, и просто пылью по лучу...
К каким порогам приведет дорога?
В какую пропасть напоследок прокричу?

Мы Север свой отыщем без компаса –
Угрозы матерей мы зазубрили как завет, –
И ветер дул с костей сдувая мясо
И радуя прохладною скелет.

<...>

Про все писать – не выдержит бумага,
Все – в прошлом, ну а прошлое – былье и трын-трава, –
 Не раз нам кости перемыла драга –
 В нас, значит, было золото, братва!
В. Высоцкий. В младенчестве нас матери пугали...

Лексическими заменителями *травы* в некоторых стихах могут стать конкретные травяные растения – например, *полынь* и *бурьян*:

На полу лежит в теплушке
 Без подушки, без пальто,
 Побирушка без полушки,
 Странник, беженец, никто.
 Он стоит над стылой Камой,
 Спит во гробе город Львов,
 Страждет сын Давида,
 самый Нищий из его сынов.
 Ел бы хлеб, да нету соли,
 Ел бы соль, да хлеба нет.
 Снег растает в чистом поле,
Порастет полынью след.

А. А. Тарковский. Портной из Львова, Перелицовка и починка

Если табак – былье, а картофель – зелье,
Да порасти оно все бурьяном-насленом,
 Лвы и гимнасты входят в цирк Чинизелли
 Пьющий-куращий, ныне который сломан...

А. Г. Найман. Караванная, угол Инженерной

Тем самым создаются новые окказиональные фразеологизмы *порастет полынью след* – ‘позабудется прошлое, вытеснится из памяти горем, бедой’ и *да порасти оно все бурьяном-насленом*, выражающим волеизъявление.

У некоторых поэтов «травяные» обозначения имплицитно в текст стихотворения, конкретизируя обобщающее слово *трава*:

Надо выйти из тесного цикла
 На просторы неписаной книги.
 Я любила любить, но отвыкла.
 Надо – к озеру, к вереску, к вике.
Полевой, к облакам над поляной...
 Выручай меня, мой окаянный
 Дар, с которым явилась и сгину, –
 Обращенья поляны в былину!
 Нет, не просто поляны в былину.
 Это верно лишь наполовину,
 Ибо новый закончивши труд,
 Устыжусь и тетрадь отодвину,
 И – былины *травой порастут*.

Т. А. Бек. Обращение поляны в былину

Как видим, в этом стихотворении Татьяны Бек наша фразеологическая *быль* перерастает в целую *поляну-былину* у лесного озера, где цветет и вереск, и полевая вика... Растительное *былье* здесь становится былинным многоцветьем.

Как видим, словообразовательные потенции словечка *былье* мощно усиливаются его фразообразовательной амплитудой, превращая его в многоярусный поэтический символ. Этот символ актуален и для тематики нашего сегодняшнего мемориального заседания. Ведь память может быть и болезненной, и горькой, и светлой... Как в стихотворении Г. М. Поженяна «Это было, было, было...»

Это было, было, было...
То заветное число
Белым снегом заносило,
И никак не занесло.
Черной метило бедою,
Красной красило водою,
Горькой былью обрастало,
Острой болью поросло.

В день 75-летия Людмилы Алексеевны Араевой мы повторяли вслед за поэтом: «Это было, было, было...» и, сохраняя в памяти, как Михаил Андреевич Осадчий, номер ее мобильного телефона и ее голос, вторили другому поэту: «Печаль наша светла...». Светла, потому что Людмила Алексеевна оставила во всех нас глубокий и светлый след.

Литература

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. проф. В.М. Мокиенко. – 4-е изд., стереотипн. – Москва: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. – 926, [2] с.
2. Бухарева Н.Т. Фразеологические единицы, содержащиеся в своем составе архаические элементы // Историческая лексика русского языка. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 3–14.
3. Зимин В.И., Спиринов А.С. Пословицы и поговорки русского народа. – Москва: Сюита, 1996. – 544 с.
4. Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е. Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии / под научн. ред. В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. – 528 с.
5. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. – СПб. Т. 1: 1903. – 779 с.; Т. 2: 1905. – 580+250 с.
6. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – Москва: Русский язык, 1987. – 239 с.

7. Сабина Н.П., Юсупова Н.Г. Было да быльем поросло (О судьбе неодушевленных собирательных существительных на -ие) // Русская речь. – 1985. – № 2. – С. 117–121.

A. M. Melerovich
melerovich@mail.ru
dr. philol. Sciences
professor of the Kostroma state. un-t im. ON THE. Nekrasov

V. M. Mokienko
mokienko40@mail.ru
dr. philol. Sciences
professor at St. Petersburg University

A. E. Yakimov
aleyakim@mail.ru
cand. philol. Sciences
Associate Professor of the Kostroma State un-t im. ON THE. Nekrasov
AXIOLOGICAL VIBRATIONS OF A PROVERB IN A POETIC TEXT
(bylyom overgrown)

Annotation. The report is dedicated to the memory of prof. Lyudmila Alekseevna Araeva, whose word-formation ideas proved their creativity in the analysis of phraseological material. The speakers are the creators of the Phraseology in Russian Poetry of the XIX–XXI centuries dictionary, which analytically characterizes the transformation of phraseological units in the work of Russian poets. The system of lexicographic description of such transformations is shown on the example of the stable phrase bylyom overgrown.

Keywords: L.A. Arayeva, Proverbs and sayings, Russian phraseology, transformation of phraseological units in a poetic text.